

«ПО КЛЮЧЕВЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ НАШИ ПОЗИЦИИ ОЧЕНЬ БЛИЗКИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ АЛЕКСАНДР ГРУШКО РАССКАЗАЛ РЕДАКТОРУ GUIDE ВЛАДИМИРУ СОЛОВЬЕВУ О ТОМ, ЧТО И В РОССИИ, И ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ ПОД БЕЗОПАСНОСТЬЮ В ОБЩЕ-ТО ПОНИМАЮТ ОДНО И ТО ЖЕ.

GUIDE: Не пострадали ли отношения Москвы и Брюсселя после приостановки Россией своего участия в ДОВСЕ (Договор об обычных вооруженных силах в Европе)?

АЛЕКСАНДР ГРУШКО: Если говорить о ДОВСЕ, то, конечно, этот вопрос выходит за рамки отношений России с Европейским союзом, ведь он не является продуктом договоренности между РФ и ЕС. Он относится к широким интересам европейской безопасности, глобальной безопасности, затрагивает интересы не только стран Европы, но и США, и всех стран на постсоветском пространстве. Мы полагали, что западноевропейские страны больше других должны быть заинтересованы в том, чтобы безопасность в Европе поддерживалась путем сохранения и укрепления режима контроля над вооружениями. Смысл любого разоруженческого документа в большей безопасности меньшими средствами. Мы ждали, что ЕС сделает все, чтобы Соглашение об адаптации ДОВСЕ 1999 года, а это единственный способ сохранить контроль над обычными вооружениями в Европе, вступило в силу как можно быстрее. К сожалению, в этом вопросе страны Европейского союза шли в кильватере политики НАТО, и сейчас ситуация вокруг ДОВСЕ вызывает серьезную тревогу. Стало очевидно, что без решительных мер режим договора не спасти. В ближайшее время мы проведем консультации на высоком уровне со странами ЕС, с США, в рамках Совета Россия—НАТО, чтобы выйти на взаимоприемлемое решение. Мы убеждены, что в интересах Европы и России ввести в действие Соглашение об адаптации ДОВСЕ и принять меры, которые позволят повысить его жизнеспособность.

Г: Обязательно ли было нужно прибегать к приостановке участия России в договоре?

А. Г.: Это последний аргумент. Мы давно всех предупреждали, что пауза, возникшая после подписания Соглашения об адаптации ДОВСЕ в 1999 году, затянулась. Есть принцип международного права, именуемый «неизменность обстоятельств». Он означает, что международные соглашения остаются жизнеспособными до тех пор, пока остаются неизменными обстоятельства, в которых они заключались. Мы видим процесс расширения НАТО, мы видим, как меняется геополитическая и военная ситуация в Европе, но договор, подписанный в 1990 году, реально остаётся таким, каким он был, когда еще существовал СССР и балансы сил устанавливались между НАТО и странами Варшавского договора. Наша линия в пользу поддержания жизнеспособности ДОВСЕ логичная и последовательная, и об этом говорит тот факт, что два года назад мы ратифицировали Соглашение об адаптации ДОВСЕ.

Г: Вы не думаете, что приостановка участия России в ДОВСЕ никого не пугает? Ну, стоит у границ тьма танков, сейчас ведь не танками воюют.

А. Г.: Может быть, сегодня в Европе танками и не воюют, но ведь не все. Если бы все страны перешли к упразднению армии и переносу акцента на иные способы безопасности, об этом можно было бы говорить. Но мы видим, что ДОВСЕ имеет отношение к тем вооружениям — танкам, вертолетам, бронемашинам, артиллерии, самолетам, которые задействуются в военных операциях. Действи-

КИРИЛЛ ГЕБЕДЕВ

АЛЕКСАНДР ГРУШКО УБЕЖДЕН, ЧТО РОССИЯ И ЕС ВМЕСТЕ ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ В УКРЕПЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, И НАДЕЕТСЯ, ЧТО В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ ВОЗОБЛАДАЕТ КОЛЛЕКТИВНОЕ НАЧАЛО

тельно, количество вооружений уменьшилось и они не играют той роли, которую играли в условиях холодной войны, но контроль над вооружениями позволяет каждому государству выверять собственные усилия по обеспечению собственной безопасности с учетом тех балансов и сдержек, которые прописаны в договоре. Это как страховой полис: желательно, чтобы в жизни человека не возникало случаев, когда он будет нужен, но лучше его все же иметь.

Г: Сильно ли разнятся подходы России и ЕС к общеевропейской безопасности?

А. Г.: У нас большая близость подходов. Если посмотреть на основополагающие документы России и ЕС в сфере безопасности, то видно, что там много общего. Первое и главное сходство в том, что и РФ, и ЕС отдают предпочтение многосторонним усилиям. Мы говорим о коллективных началах в мировой политике и при этом исходим из того, что ни одно государство или группа стран не способна решить глобальные проблемы. Второе — и Россия, и ЕС отдают предпочтение политическим, а не военным способам решения проблем. И третье, что сближает нас концептуально и в практическом плане, — это то, что мы за укрепление международного права и выстраивание системы безопасности на основе наращивания позитива, накопленного всем международным сообществом в сфере нераспространения, контроля над вооружениями, то есть путем гармонизации интересов безопасности всех государств. Если мы посмотрим на эти базовые принципы в преломлении к конкретным регионам и проблемам, то увидим, что по ключевым направлениям наши позиции очень близки. Будь то урегулирование на Ближнем Востоке, ядерная проблема, связанная с Ираном и Северной Ко-

реей и т. д. Если и есть расхождения, то они носят тактический характер. Другое дело, что в нашей практической работе есть определенные минусы. Они связаны с тем, что у нас с ЕС пока нет органа типа совета «Россия—НАТО», который позволил бы системно работать над решением конкретных проблем безопасности. У нас есть развитый механизм консультаций по основным международным и региональным проблемам, но нет форума, где мы могли бы сосредотачиваться на анализе каких-то проблем и совместно их решать.

Г: Что мешает его создать?

А. Г.: Институциональное устройство Европейского союза, который пока не готов идти на такое взаимодействие, и, видимо, нам придется проявить терпение и дожидаться момента, когда закончится трансформация ЕС.

Г: Вы имеете в виду то, что у них нет министра иностранных дел ЕС?

А. Г.: Он, наверное, появится. Но на нынешнем этапе ЕС не готов к созданию такого механизма в отношениях с нами и его институционализации. Второй момент — это то, что Европейский союз пока не предусматривает возможности взаимодействия в сфере кризисного урегулирования на паритетных началах. Если заглянуть в документ ЕС, то там написано, что участие третьих стран в решении кризисов возможно лишь при условии, что они будут ведомыми в миротворческих операциях Европейского союза. Это не может устроить Россию. Мы предложили нашим партнерам подумать над тремя типами миротворческих операций — операции ведомые Россией, на равноправной основе и ведомые ЕС. С практической и политической точки зрения такое сотрудничество будет эффективным, когда оно будет основываться на принципах равноправия.

Есть проблемы, связанные, может быть, с недостатком системного взаимодействия по линии военных ведомств, но сейчас эта работа налаживается. В целом мы исходим из того, что та общая идеологическая основа, которая существует, позволяет нам двигаться в сторону создания соответствующих механизмов партнерства. Но опять же ограничивающий фактор — это незавершенность институционального строительства в ЕС. Поэтому мы желаем успеха им в этом деле и надеемся, что новый договор будет выработан в ближайшее время. В этом случае прояснится, в каком направлении мы можем двигать партнерство с ЕС в сфере внешней политики и как его оформлять организационно.

Г: А как продвигается реализация «дорожной карты» в области общего пространства безопасности?

А. Г.: Мы тесно сотрудничаем по проблемам нераспространения, в борьбе с терроризмом и другими глобальными угрозами. Фактор сотрудничества России и ЕС играет важную роль в урегулировании многих региональных конфликтов. У нас налаживается взаимодействие в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Все движется очень неплохо. Порой трудно отделить вопросы внешней безопасности от внутренней. Такие вещи, как борьба со стихийными бедствиями, — это, с одной стороны, взаимодействие на межгосударственном уровне, но в то же время связано с безопас-

ностью граждан. Сейчас мы серьезно работаем над созданием европейских сил МЧС и европейского пула самолетов, который можно было бы задействовать в чрезвычайных ситуациях. Развиваются контакты со специализированными агентствами в сфере внешней и внутренней безопасности.

Г: Насколько успешно идет сотрудничество с ЕС в области экологической безопасности? Как продвигается сокращение арсеналов химического оружия?

А. Г.: Европейский союз нам оказывает содействие. Ситуация следующая: ЕС обещал выделить €1 млрд на глобальное партнерство. Срок действия этой программы — с 2002 по 2012 год. Лидеры «группы восьми» договорились, что первоначально проекты глобального партнерства будут осуществляться в России. Президент Владимир Путин определил, что приоритетами РФ будет уничтожение химического оружия и утилизация атомных подводных лодок, которые были выведены из состава флотов на Севере и Дальнем Востоке. С 2002 по 2006 год мы получили от ЕС на разоружение порядка \$10 млн. Нам оказали содействие в сооружении ряда объектов — Горный, Щучье, Камбарка. В целом мы рассчитываем на то, что содействие ЕС могло бы быть более ощутимым. Вместе с тем у нас есть отдельные программы взаимодействия со странами — членами Европейского союза, и они успешно работают.

Г: После апрельских событий в Эстонии Европа озабочилась своей кибербезопасностью. Россию даже обвинили в атаках на эстонские серверы. А что в самой Москве думают насчет этой проблемы?

А. Г.: Россия — сторонник максимального взаимодействия государств в этой сфере. Мы работаем во всех форматах: в ООН, в Совете Европы — и пытаемся стимулировать партнеров к заключению международных конвенций по борьбе с кибертерроризмом. Прежде всего это важно, чтобы пресечь возможности использования интернета для террористических целей. Мы знаем, как террористические группировки умело используют интернет для пропаганды терроризма, вербовки, сбора средств и подготовки терактов. Мы будем настойчиво убеждать партнеров в том, что этой проблеме следует уделить самое большое внимание. Что касается эстонской части вопроса, то домыслы о причастности Москвы рассыпались. Авторитетные эксперты, в том числе из НАТО и США, признали, что нет свидетельств того, что были организованные извне атаки на информационные сети Эстонии.

Г: Значит, Россия готова идти на прямое сотрудничество с ЕС в создании системы общеевропейской кибербезопасности?

А. Г.: Мы готовы и заинтересованы. И это связано не только с терроризмом, но и с проблемой отмывания денег, с необходимостью обеспечения недоступности и безопасности информационных систем. Другого пути, кроме объединения усилий в борьбе с разного рода мафиями и международными вызовами, нет. Информационные обмены между спецслужбами ЕС и России будут только увеличиваться. Мы готовы сотрудничать с ЕС и действовать так, чтобы, с одной стороны, обеспечить безопасность граждан РФ и ЕС, а с другой — обеспечить необходимый уровень защиты прав человека. ■

ДРУГОГО ПУТИ, КРОМЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ УСИЛИЙ В БОРЬБЕ С РАЗНОГО РОДА МАФИЯМИ И МЕЖДУНАРОДНЫМИ ВЫЗОВАМИ, НЕТ. МЫ ГОТОВЫ СОТРУДНИЧАТЬ С ЕС И ДЕЙСТВОВАТЬ ТАК, ЧТОБЫ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, ОБЕСПЕЧИТЬ БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАН РФ И ЕС, А С ДРУГОЙ — НЕОБХОДИМЫЙ УРОВЕНЬ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

ГРУШКО АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ

Родился 25 апреля 1955 года. В 1977 году окончил Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. Занимал различные дипломатические должности в центральном аппарате МИД СССР и за рубежом. В 1995–1996 годах находился на службе в департаменте по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ.

Затем до 2000 года работал главой делегации Российской Федерации по вопросам военной безопасности и контролю над вооружениями на венских переговорах, представителем России в совместной консультативной группе по ДОВСЕ и в консультативной комиссии по открытому небу на форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности. В 2001 году стал заместителем директора, а с 2003 го-

да директором департамента общеевропейского сотрудничества МИДа. 12 июля 2004 года Александр Грушко был присвоен дипломатический ранг чрезвычайного и полномочного посла. 6 сентября 2005 года указом президента РФ он был назначен заместителем министра иностранных дел России. Координирует вопросы, связанные с общеевропейскими и евроатлантическими организациями.